

АЛЕКСАНДР СТЕСИН

ВЕРНИСЬ И ВОЗЬМИ

ПИСЬМА
РУССКО
ГОПУТЕ
ШЕСТВЕ
ННИКА

016

Новое
Литературное
Обозрение

Письма русского путешественника

Александр Стесин

Вернись и возьми

«НЛО»

2013

Стесин А. М.

Вернись и возьми / А. М. Стесин — «НЛО»,
2013 — (Письма русского путешественника)

Александр Стесин (р. 1978) – русский поэт, живущий в Нью-Йорке. Врач-онколог по профессии, он сменил много мест обитания, публиковался в российских и зарубежных журналах («Иностранная литература», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Звезда», «Интерпоэзия», «Новый журнал», «Сноб» и др.), выпустил три книги стихов. Несколько лет назад по собственному желанию Стесин отправился работать единственным врачом в деревню в Гане. Об этом большом африканском путешествии – от подготовки до последствий – рассказывают две повести, включенные в книгу «Вернись и возьми». Современный врач в Гане попадает в условия, сходные с теми, что сто лет назад вдохновили Булгакова на «Записки юного врача», – и справляется с трудностями, не теряя чувства юмора, рассудительности и таланта. К книге приложены переводы Стесина из современной ганской поэзии.

© Стесин А. М., 2013

© НЛО, 2013

Содержание

Вернись и возьми	6
Часть I. Бриджпорт	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Стесин

Вернись и возьми

© Стесин А., 2013

© Оформление. «Новое литературное обозрение», 2013

Вернись и возьми

Obosomakotere nam brebre

Obeko aburokyire¹.

Из текстов «Говорящего барабана»

Часть I. Бриджпорт

1.

«Чужестранец подобен ребенку: все замечает и мало что понимает», – гласит африканская пословица. Весь первый месяц я работал в дневную смену, понемногу приглядываясь и привыкая к новой жизни. Благотворительный госпиталь Сент-Винсент, находившийся среди развалин и трущоб городского гетто, выглядел на удивление ухоженным. В просторном вестибюле стояло механическое пианино, которое одаривало дневных посетителей ностальгическим попури. В больничном ларьке продавались открытки и плюшевые игрушки – на случай, если кто пришел навестить больного с пустыми руками. На втором этаже располагались конференц-зал и небольшая библиотека. По утрам из репродуктора доносился умиротворяющий голос штатного священника. Голос обращался к пациентам и работникам госпиталя, наставляя их проповедью или вдохновляя молитвой. Сам священник, оказавшийся долговым человеком с волосами, глазами и кожей одного и того же пепельного оттенка, в белом халате поверх рясы, появлялся, точно по мановению волшебной палочки, всякий раз, когда дело доходило до сердечно-легочной реанимации. Раз за разом, приступая к грудным компрессиям под писк мониторов и перепалку медсестер, я видел его осанистую фигуру, ждущую в дверях палаты с готовностью в любую минуту прочитать молитву за упокой. «И вы здесь, отец Дэн?» – «Да вот пришел подстраховать...»

Полгода назад я подал документы в одну из международных организаций, занимающихся медицинской благотворительностью, получил назначение в Гану, но в последний момент поездка сорвалась. И вот теперь, подписав годичный контракт с католическим госпиталем, обслуживающим городок под названием Бриджпорт в ста милях от Нью-Йорка, неожиданно оказался в той самой Гане.

О том, что это Гана, я узнал на собеседовании с возглавлявшей приемную комиссию Викторией Апалоо. Выслушав мое старательное бормотание о «Врачах без границ», о давнем увлечении культурой ашанти и еще бог знает о чем, Апалоо одобрительно кивнула. «Можешь считать, что тебе повезло. У нас в больнице работает много врачей из Африки, причем большинство – как раз из Ганы. Тут, можно сказать, центр ганской диаспоры, я другого такого места в Америке и не знаю. Так что у тебя будет возможность подготовиться: выучить язык и вообще... А через год, если захочешь, мы тебе и без Красного Креста запросто подыщем работу в Аккре или в Кумаси».

Ганцы составляли примерно половину ординаторского коллектива. Вторая половина делилась на африканских соседей (Нигерия, Гамбия, Камерун), представителей индийского субконтинента и остальных. Доктор Виктория Апалоо, дочь верховного судьи Республики Гана, заведовала ординаторской программой, а ее муж, Кофи Аппия Пэппим, – отделе-

¹ Как устал наш хамелеон, / Все стремится за море он (*ашанти-чви*). Переводы с других языков далее оговариваются особо.

нием реаниматологии и интенсивной терапии. Они и организовали здесь «ганский филиал», несмотря на приглушенные протесты старорежимных коллег, через не могу усвоивших азы политкорректности. По слухам, один из потесненных зубров все же не удержался и за несколько дней до ухода на пенсию выразил свои мысли на закрытом собрании: «С тех пор как эти двое захватили власть, наша ординатура год от года становится все чернее и чернее».

Пэппим славился фотографической памятью и невероятной способностью производить любые арифметические подсчеты в уме со скоростью калькулятора. Раз в неделю он проводил семинары по реаниматологии. Его лекции, которые посещали и конспектировали даже седовласые светила, были отшлифованы не хуже, чем текст из учебника. При этом было известно, что Пэппим никогда не готовится заранее и не повторяет одну и ту же лекцию дважды. Единственным, что повторялось из раза в раз, было короткое лирическое отступление, история под занавес о человеке, некогда преподававшем Пэппиму реаниматологию в Гане. «Этот человек любил делать трехчасовые доклады, – рассказывал Пэппим, – и, переходя к следующему пункту, всегда говорил *ну, и в заключение...*, и все вздыхали с облегчением, пока наконец не поняли, что *и в заключение* у него – просто вводная фраза... Итак, в заключение...»

В местной ганской общине Пэппима любили единогласно и столь же единогласно жалели о том, что он выбрал в жены представительницу племени эвэ. Говорили, что женщины эвэ известны своей авторитарностью, так что Пэппиму волей-неволей приходится подчиняться Апалоо – как дома, так и в больнице. Сам он принадлежал к племени ашанти и, как многие ашанти, обладал благородной внешностью. Его вполне можно было бы представить в роли вождя или честного политика на обложке журнала «Тайм» («Человек года»). Да и пестуемый им образ африканского мужа (в обоих значениях слова) был под стать: приветливость и мягкость в обращении, сочетающаяся с внутренней жесткостью, консервативность взглядов, абсолютная серьезность отношения к семье и работе, точное знание, как надо и как не надо.

На фоне отпугивающей безупречности мужа импульсивная и суетливая Апалоо вызывала скорее симпатию. Даже в ее так называемой авторитарности было что-то располагающее. В больнице она имела власть, но популярностью не пользовалась, о чем и сама говорила во всеуслышание. Вообще говорила все, что думает, – часто на повышенных тонах. Мне нравился ее африканский акцент, гласные, растягиваемые таким образом, что кажется, человек всегда говорит с улыбкой, даже когда ругается. Замечательные фонетические ошибки – почти что оговорки по Фрейду: в словосочетании *antisecretory medications*² вместо *antisecretory* звучало *anti-secretary*³, а слово *therapist*⁴ она произносила так, что слышалось *the rapist*⁵.

Во время утренних пятиминуток Пэппим слушал отчеты ординаторов, одновременно читая новости с веб-сайта «Гана-ньюз». Казалось, он вообще не слушает, но стоило ординатору ляпнуть что-нибудь не то, как Пэппим тут же начинал отчаянно мотать головой: «Все неправильно, все неправильно. Разве это респираторный алкалоз? Перепроверь, пожалуйста, по формуле Винтерса». Под его руководством в отделении реаниматологии не допускалось ошибок, не было сбоев. Даже Смерть работала по строгому расписанию, дожидаясь ночной смены, когда рядом не окажется никого, кроме дежурного ординатора и вездесущего отца Дэна.

² Противосекреторные препараты (англ.).

³ Против секретарши (англ.).

⁴ Терапевт (англ.).

⁵ Насильник (англ.).

К.М., 53 года. Кардиомиопатия и застойная сердечная недостаточность, болезненное ожирение и диабет, гипертензия воротной вены, почечная болезнь в последней стадии... Перечень его диагнозов тянется, как железнодорожный состав, чьи вагоны невозможно пересчитать, не сбившись со счета. В больницу он попадает не реже чем раз в три недели. Лучшее, что мы можем предложить ему, – это паллиативная помощь. Одышливый и отечный, он лежит на животе и, вскинув брови, доверчиво смотрит на интерна. Миссис М., не менее отечная и одышливая, сидит у изголовья, сосредоточенно поглощая журнальные сплетни. «На что жалуетесь?» Приподнявшись на локтях, М. со знанием дела просит повысить ему дозу мочегонного и выписать справку – «для работы». Глядя на него, невозможно поверить, что он в состоянии справиться с какой бы то ни было работой. «А кем вы работаете?» – «Охранником».

Молодые врачи в Сент-Винсенте, как и везде, спешили на работу ни свет ни заря в отутюженных белых халатах, вкалывали по восемьдесят часов в неделю, набрасывались на залежавшуюся бесплатную пиццу, заводили романы с медсестрами, поносили начальство и пациентов, варились в собственном соку. Пожилые врачи ходили без халатов, отечески похлопывали по плечу молодых, никогда не помня, как их зовут, внушали доверие пациентам, гоняли накатанный репертуар прибауток и любимых случаев из практики, неусыпно следили за новостями биржи, отставали от времени. Пациенты, в большинстве своем не имевшие медицинских страховок и потому поступавшие с обострениями уже давно перешедших в хроническую стадию заболеваний, задерживались и возвращались, привыкали к постельному режиму и больничной пище, готовились к худшему и, выходя на непродолжительные прогулки в сопровождении сиделок, с рассеянным удивлением оглядывались на механическое пианино.

«В общем, Сент-Винсент – неплохое местечко, только сегрегации многовато», – резюмировал нигериец Энтони Оникепе. Худощавый парень с близоруким прищуром и аккуратной козлиной бородкой, он почему-то напоминал мне молодого Чехова с хрестоматийных фотографий (если Чехова представить нигерийцем). Даже круглые очки, которые он то и дело прикладывал к переносице не надевая, походили на чеховское пенсне. А может быть, он просто ассоциировался у меня с Чеховым из-за своего имени: Энтони Пол. Во всяком случае, пьес он, кажется, не писал и о русском тезке знал так же мало, как я о его любимом Сиприане Эквенси.

К моменту нашего знакомства Оникепе отбывал второй год «ординаторской повинности». Он стал моим первым напарником, когда после месяца легкой жизни меня перевели на ночную смену. До этого мы встречались несколько раз на консилиумах, но толком не познакомились. Говорили, что на государственном лицензионном экзамене он набрал какое-то неслыханное количество очков и получил поздравительное письмо чуть ли не от самого министра здравоохранения.

– Босс! – поприветствовал он меня в начале нашего первого дежурства.

– Кто?

– Ты, кто же еще. Ты – босс, ты уже третью неделю тут дежуришь, а я только заступаю.

– Да, но до этого я дежурил в дневную, под присмотром Пэппима. Это не то же самое.

– Не переживай, босс, все будет нормально.

Мы расположились в ординаторской.

– Так ты, я слышал, собираешься в Гану. Но ведь ты же из России. Зачем тебе Гана? Если уж приспичило куда-то ехать, то почему бы не в ту же Восточную Европу?

– Нельзя все время смотреть в одном направлении – шея одеревенеет.

– О, ты уже и поговорками начал говорить. Совсем как африканец. Слушай, а в России люди ходят с оружием или без?

– Да вроде без. Как-никак в мирное время живем.

– А-а, – протянул он с явным разочарованием и открыл ноутбук.

– То есть кто как, наверное... Хулиганов везде хватает.

– Это уж точно, – он разом оживился и отвел глаза от ноутбука. – У нас в Нигерии такое бывает, что этим неженкам-американцам и не снилось.

– Могу себе представить, – я снова попал не в ту тональность. Взгляд моего собеседника уже скользил по экрану ноутбука. – Вернее, нет, не могу, конечно, представить себе, как у вас там, в Нигерии. Неужели прямо так с оружием все и ходят? И стреляют? Среди бела дня?

Ноутбук захлопнулся.

– В общем, слушай. Еду я как-то домой с работы. В бардачке, понятное дело, смит-вессон. Время позднее, дорога пустая. Вдруг вижу: хвост за мной увязался. Я сразу смекнул, что это такое. Киднеппинг. У нас это в последнее время часто встречается. Охотятся на врачей, адвокатов, на состоятельных людей, в общем. Берут в заложники, и семья выплачивает сколько есть. Короче, едут они за мной всю дорогу, не отстают. Главное, фар не включают. А я их специально повез окольными путями, чтобы проверить. Часа два катались. И вот вывез я их на окраину города, там уж совсем безлюдно. Всё, думаю, парни, покатались, и хватит. Резко торможу – они в меня чуть не врезались. Достаяю смит-вессон, открываю окошко и – бац, бац! – делаю два предупредительных выстрела в воздух. Ты бы видел, с какой скоростью они развернулись и начали от меня улепетывать! Или вот еще. Просыпаюсь я раз ночью, слышу в саду у нас какое-то шебуршание. Подхожу к окну, смотрю: так и есть, грабитель. Беру отцовскую винтовку, открываю тихонечко дверь на балкон. Ни с места, падла! Он стал как вкопанный, пялится на меня. Говорит: что ты собираешься делать? А ничего, говорю, не собираюсь делать. Так постоим. Утром мой батя проснется – вызовет полицию. Стой, говорю, и жди. Если шевельнешься, прикончу тебя в два счета. Так до утра с ним и простояли.

– А потом?

– А потом все, как я сказал. Проснулся отец, вызвал полицию, повязали ворюгу... Ну, теперь твоя очередь. Как там, в России?

Я принялся перебирать размытые акварели детской памяти в поисках какого-нибудь подходящего эпизода. Блеклое воспоминание о том, как на большой перемене сражались с вихрастым Лешей Даниловым из шестого «Б», не вдохновляло. Наконец, так и не вспомнив ничего остросюжетного, я решил обратиться к чужому опыту и стал пересказывать лагерные страшилки, которых наслушался на Северном Урале. Пересказывал через пень-колоду, так и не решив, от чьего лица ведется повествование. Энтони подбадривающе кивал, периодически хмыкал и цокал, а дослушав до конца, выразил удовлетворение и повторил, что «неженкам-американцам такое не снилось». Я с важным видом поддакнул. Каждый из нас был доволен тем первым впечатлением, которое сумел произвести на другого. Оставалось только достать традиционную чекушку и выпить за русско-нигерийское братство. Вместо чекушки Энтони извлек из портфеля упаковку овсяного печенья. «Будем считать, что это печенье у нас вместо ореха кола. В Нигерии этим орехом принято угощать в знак дружбы».

Заголосили пейджеры. «Срочный вызов, срочный вызов!» – подхватил настенный динамик. – Восьмой этаж, палата тридцать один». Энтони торопливо завернул остатки печенья в салфетку и, сунув в нагрудный карман, махнул: айда. «Главное, не нервничай», – бросил он, пока мы неслись по коридору.

К нашему прибытию в палате уже царила неразбериха. Мониторы и прочие устройства звенели на все лады. Медсестры сновали туда-сюда, перекрикивали друг друга, безуспешно пытались выпроводить рыдающую семью. Протискиваясь к постели больного, я тормозил то одного, то другого из присутствующих медиков в попытках получить хоть малейшие сведения: я, как и Энтони, видел этого пациента впервые. Но толку ни от кого было не добиться,

а медкарта, как всегда, куда-то запропастилась. И тогда я увидел Энтони Оникепе в действии. Он стоял в боевой стойке – широко расставив ноги, слегка запрокинув голову – и спокойным голосом отдавал распоряжения. Пока я, путаясь в формулах, вычислял оптимальные параметры для ИВЛ, он уже диктовал эти параметры респираторному терапевту, шпарил дозировки и последовательность введения нужных препаратов. Мельком взглянув на распечатку ЭКГ, моментально назвал редкий тип аритмии и связанный с ним синдром. Через пять минут он и без медкарты уже знал всю историю болезни. Когда давление и пульс были стабилизированы, он повернулся ко мне.

– Ну что, босс, надо ставить подклюд. Ты умеешь?

– Умею. Но ты, если что, подстрахуй, ладно?

– Э-э... Видишь ли, мне противопоказано прикасаться к катетерам, скальпелям и прочим процедурным штуковинам. Это опасно для меня самого, не говоря уже о пациенте. У меня, босс, руки из жопы растут. На тебя вся надежда.

В это верилось с трудом. Скорее всего, он предоставил мне катетеризировать подключичную вену, чтобы я почувствовал, что и от меня есть какая-то польза.

– Сколько лет ты проработал врачом до поступления в здешнюю ординатуру? – спросил я, когда мы возвращались в ординаторскую.

– В Нигерии-то? Да всего полтора года.

– Тогда давай колись: в чем секрет твоего мастерства?

– А я шахматист... То есть был шахматистом, когда в школе учился. И на уроках вместо того, чтобы слушать, все время в уме партии проигрывал. На ходу сориентироваться нельзя, тем более когда вокруг тебя галдят медсестры. Этого никто не умеет. Надо заранее проигрывать все возможные партии. Кто больше партий знает, тот и гроссмейстер.

На следующий вечер все повторилось точь-в-точь: овсяное печенье, маловероятные истории о стычках с нигерийскими бандитами (этих историй у моего напарника было пруд пруди, и рассказывал он их взхлеб, как насмотревшийся боевиков третьеклассник). Затем дребезжание пейджеров, перебежки от одного срочного вызова к другому, медицинское всеведение Энтони и моя беспомощность, якобы компенсируемая успешным введением центральных катетеров. То же самое было и на третий день, и на четвертый. Через неделю уже почти не верилось, что в жизни бывает что-то еще. В дневное время я отсыпался. А к вечеру, с трудом пробудившись, напяливал хирургическую пижаму и белый халат, накачивался кофе, шел по опустевшему этажу мимо пропускного пункта и справочной будки, где пожилой вахтер, день и ночь указывающий посетителям, как пройти в стационар, привычно тычет указательным пальцем в пустоту коридора, будто пытается ее проткнуть или нажимает на какую-то невидимую кнопку. В пятом часу утра обычно наступало затишье. Я укладывался на скрипучую койку в дежурной комнате и пытался заснуть, положив пейджер рядом с подушкой. Но сон, как вода, послушная закону Архимеда, не давал погрузиться в себя до конца и в какой-то критической точке засыпания выталкивал сознание обратно на поверхность.

«Чтобы я здесь твоих ругательств больше не слышал! Вернешься за решетку, там будешь материться!» Сизоносый лендлорд Берни орет на одного из жильцов. «Ишь ты, блюститель порядка нашелся! Да у тебя в здании крэком торгуют направо и налево, ты у меня, сука, сам скоро сядешь!» Они топчутся у входа в подъезд, набычась и напирая грудью, но до драки не доходит. Оба в стельку. «Эй Джей! Эй Дже-э-э-й!» Это неугомонная Лиз из квартиры 3А кличет свою собаку. Лиз – вольная птаха со справкой («шизоаффективное расстройство»). Без работы и без пособия. С жилплощадью она только потому, что подруга лендлорда Берни. Ее прокуренный голос можно услышать в любое время суток, и всегда – один и тот же надрывный зов. Эй Джей не отвечает.

Через дорогу виднеются декорации в стиле «после бомбежки». Лет тридцать назад там начинали строить что-то основательное, да так и не начали. Реалии гетто – это

почти родное, знакомое чуть ли не с детства. Свои первые два года американской жизни я провел в «черном» районе Чикаго, там и английский выучил, в связи с чем некоторое время говорил с русско-негритянским акцентом. Те же измалеванные граффити кирпичные здания, зарешеченные окна с выбитыми стеклами, лианы пожарных лестниц.

Огорошенные безденежьем и культурным шоком родители были готовы почти на всё, но, взглянув на эти фасады, кое-как сориентировались и подыскали нам комнату на троих в студенческом общежитии. Так что о том, как выглядят пресловутые «проджекты» изнутри, я узнал только год спустя, когда впервые попал в гости к пуэрториканцу Масео, моему не то чтобы закадычному, но единственному о ту пору другу. Увидав меня на пороге, отец Масео не стал скрывать своего удивления: «Эй, Масео, ты что, совсем спятил, сынок? На хера ты притащил сюда это белое чмо?» – «Да какой же он белый, пап? Он – Russian».

Когда запас нигерийских небылиц наконец иссяк, Энтони переключился на разговоры за жизнь, которые неизбежно сводились у него к обсуждению расовых отношений.

– Ну и как тебе наше богоугодное заведение? – спросил он, подводя беседу к излюбленной теме.

– Пока что мне все нравится, – отчеканил я как истинный американец.

– Да, Сент-Винсент – неплохое местечко. Только сегрегации многовато.

– В каком смысле?

– В прямом. Ты думаешь, у нас тут дружба народов, медики-всех-стран-соединяйтесь? Черта с два. Африканцы отдельно, индусы отдельно, евреи отдельно. Врачи и медсестры порознь. Каждый обороняется и держится своих. Ты еще не знаешь всех наших подводных течений. Даже среди африканцев. Тут правят ганцы, а я – нигериец. Нигерийцы и ганцы друг друга терпеть не могут.

– Ну, у соседствующих народов, кажется, всегда так.

– Верно. Только нигерийцы – это не народность, а пятьдесят народностей. То же самое и в Гане.

– Но ведь ганцы взяли тебя в ординатуру.

– Взяли. Но считаться со мной здесь стали только после того, как я получил высший балл на их ординаторском экзамене.

– Да, я уж наслышан об этом экзамене. Ты там, насколько я понял, побил все рекорды.

– Было дело. – Энтони хлопнул себя в грудь, погрозил кулаком невидимому врагу и потянулся за овсяным печеньем. С минуту он молча жевал, как будто с трудом припоминая, о чем только что собирался говорить. – Сегрегация, сегрегация... Да! Тут ведь вот еще что: у каждого человека должна быть своя этническая неприязнь. Должна быть хоть одна группа людей, которую ты не любишь. Всетерпимость – это выдумка бывших линчевателей. Человечек не может жить без предрассудков. Я, например, недолюбиваю арабов и персов. Могу даже сказать почему.

– Ну и почему?

– Из них выходят плохие врачи. Они наплевательски относятся к пациентам.

– Хорошо, а что ты в таком случае скажешь об африканцах?

– Африканцы к пациентам относятся хорошо. Африканцев, если ты, конечно, не отпетый расист, легко любить, пока не сойдешься с ними поближе. Наш конек – личное обаяние.

– Да ты, похоже, никого не любишь. Кроме пациентов.

– Ну что ты, я не мизантроп. Это – к Нане. Ты, кстати, знаком с Наной?

– С какой из них?

– С медсестрой. Нана Нкетсия. Она у нас в реанимации по ночам работает.

– Нет, кажется, не знаком.

– Тогда пойдем, пока пейджер молчит, я вас познакомлю.

Наной в Сент-Винсенте называли всех и каждого. На языке чви *нана* означает вождь. Среди молодежи это слово используется в качестве дворового обращения, что-то вроде «начальник». «Нана, – кричали друг другу лихие ганские парни, – завтра на ковер к Пэппиму!» Во втором значении «нана» – это бабушка. Ашанти и другие аканские племена часто называют детей в честь предков, причем обозначение родственной связи тоже является частью имени. Скажем, если имя бабушки, в честь которой назвали внуку, было Эси, то девочку так и будут звать: Нана Эси – Бабушка Эси. Во взрослом возрасте вторая часть обычно отбрасывается и остается просто Нана – распространенное женское имя.

– Нана Нкетсия!

– Ога!⁶

– Этэ сэйн!⁷ Вот познакомься: Алекс, мой новый напарник. Бывший сибиряк и будущий ганец.

– Бывает, – сочувственно сказала Нана.

У нее были огромные зеленые глаза и темно-оливковая кожа. Я попытался угадать составляющие фенотипа: вряд ли она была чистокровной африканкой, но и на мулатку не похожа, скорее какая-то островитянская примесь. Так или иначе, это была красавица каких поискать.

– Нана у нас принцесса в изгнании. Мало того, она исключительный кулинар. Чем ты нас сегодня угостишь, Нана?

– На тебя не напасешься. – Нана открыла медсестерский холодильник и достала кастрюлю с яствами.

Пока Нана распределяла еду по бумажным тарелкам, Энтони принес из палаты чистую простыню, постелил ее на полу, и через пять минут мы сидели уже не в дежурке, а в африканском оби, где, принимая гостей, разламывают орех кола и рисуют мелом ритуальные узоры. «Чувствую, сейчас нас вызовут», – вздохнул Энтони, все время ждавший от жизни какого-нибудь подвоха. И оказался прав.

Мануэля С., 46 лет, доставили в травмпункт вместе с супругой. Встав спозаранку, С. зарядил револьвер, выстрелил в собирающуюся на работу жену, затем застрелился сам. «Скорую» вызвал их сын, Мануэль-младший. Каким-то чудом оба супруга остались живы, но глава семьи об этом никогда не узнает: его привезли уже в состоянии церебральной смерти и теперь держат на вентиляторе исключительно в качестве потенциального донора для пересадок. Мануэль-младший растерянно переминается с ноги на ногу, стоя рядом с носилками, на которых лежит его мать. С трудом выдавливая членораздельную речь, она дает ему указания: «Позвони в школу, скажи, что заболел. Позвони бабушке, скажи, что останешься у нее».

2.

– Ну, что у вас тут?

– Да вот, доктор, пациент порывается сбежать, говорит, что опаздывает в школу. Может, пять миллиграмм галоперидола?

Желтушный дистрофик с раздутым пузом и запекшимися губами, лавирующий между белой горячкой и синдромом Корсакова, – привычное зрелище в любой городской больнице. Однако в Сент-Винсенте их количество было поистине рекордным. По ночам к ним навевались невидимые гости, и скромный католический госпиталь превращался в «лес тысячи духов». Даже в ординаторской не удавалось укрыться от этой фата-морганы – только и слы-

⁶ Большой человек (*йоруба*).

⁷ Приветствие ашанти, дословно: «Как оно?»

шишь, как из одной палаты всю ночь доносится: «Лэрри, это ты? Лэрри!», а из соседней: «Дядя Патрик? Где дядя Патрик?» С тех пор как из Бриджпорта вывели последнее крупное предприятие, алкоголизм стал основным занятием мужского населения города.

Человек-скелет лет пятидесяти метался в кровати, силясь высвободиться из медицинских наручников.

– О-о, так это же наш старый знакомый Джон Макпадден! – почти обрадовался мой напарник. – Я его три недели тому назад в приемнике откачивал. Как самочувствие, Джон?

Человек-скелет перестал метаться, злобно посмотрел на Энтони и сказал неожиданно твердым голосом: «Мне надо в школу».

– Зачем тебе в школу, Джон? Посиди дома, завтра пойдешь. Я тебе справку выпишу. Скажем учительнице, что ты заболел.

Как ни странно, увещевания подействовали. Пробормотав что-то обиженно-невнятное, больной еще пару раз дернул наручники и устало опустил голову на подушку. Через три минуты он уже спал.

– Ну что? – оскалился Энтони. – Как тебе мой пациент?

– Делириум тремор, страшное дело.

– Ошибаешься, босс. Он бросил пить полгода назад. Это – энцефалопатия. У него печень отказала, а заодно и все остальные органы. Когда он к нам поступил, хирурги думали делать анастомоз, но теперь об этом, конечно, речь не идет. Если его положить на операцию, он на операционном столе и умрет. А без операции умрет тем более. Шах, мат. Я уже говорил с его сестрой – она у них принимает все решения. Согласилась на хоспис. Но он, я боюсь, и до хосписа-то не дотянет.

– А что из себя представляет сестра?

– Сестра у него хорошая. И брат хороший, Брайан. Они его каждый день навещают. Надо будет завтра пораньше прийти, чтобы их застать. Брайан живет в Колорадо, неделю назад прилетел. Жалко их очень.

В паллиативном отделении, куда Макпаддена вскоре перевели из реанимации, уход за пациентом вели в основном медсестры. Чтобы периодически менять капельницу с морфием в ожидании смерти, врачи не нужны. Каждый вечер мы с Энтони заходили к нему на пять минут по пути на дежурство. Джекки Макпадден, дежурившая у постели брата денно и ночью, давала нам подробные отчеты.

– Мне кажется, ему становится лучше. Еще вчера он нас с Брайаном не узнавал, а сегодня утром говорит: «Завещаю вам свое богатство в размере недопитого “Джонни Уокера”». Сказал, что нас любит, что мы – единственное, что у него есть. – Джекки вытерла слезы. – И еще сказал, что проголодался. Жаль, что ему нельзя.

– Чего нельзя?

– Есть...

– Разве его здесь не кормят?

– Медсестра сказала, что врачи запретили давать ему пищу. Она говорила про какой-то больничный протокол, я толком не поняла.

– Какой протокол? Энтони, ты когда-нибудь слышал что-нибудь подобное?

Но Энтони уже не слушал. Пробормотав что-то вроде «я сейчас», он зашагал по направлению к медсестринской. В этот момент его лицо походило на догонскую маску разъяренного духа, и молоденькая медсестра шарахнулась в сторону.

– Это вы ведете уход за пациентом Макпадденом из сорок седьмой палаты?

– Да, доктор... Что-нибудь случилось?

– Будьте любезны, принесите ему еды. Прямо сейчас.

– Извините, доктор, но это не ваш пациент, – уверенно возразила медсестра, оправившись от моментального испуга. – Завотделением, доктор Рустам Али, дал нам четкие указа-

ния. Мы имеем право давать больному только обезболивающее, а больше ничего. Это ведь пациент хосписа.

– «Хоспис» не означает морить человека голодом.

– Доктор Али дал нам четкие указания.

– Дай ему поесть, дура.

Десять минут спустя медсестра вернулась в сопровождении шуплого человечка, передвигавшегося чарли-чаплинскими шажками, как будто его ступни поссорились и демонстративно отворачиваются друг от друга.

– В чем дело? – сурово спросил человечек.

– Хотелось бы узнать, почему больному, который просит есть, отказывают в пище.

– Наша медсестра вам уже все объяснила. Мы оказываем паллиативную помощь, то есть снимаем боль. Питание может продлить выживаемость, а это в данном случае не является нашей задачей.

– Вы это всерьез? – поинтересовался Энтони. Его воображение, кажется, уже шарило в мысленном бардачке в поисках смит-вессона.

Али поджал подбородок, придавая лицу выражение скорби.

– Да ты пойми, Энтони, – заговорил он задушевым тоном, – я такой же идеалист, как и ты. Но это безнадежный больной, он должен был скончаться еще в реанимации. Как бы мы ни старались, мы для него ничего не сможем сделать, ты сам это прекрасно знаешь.

– Как скажете. Завтра мы представим этот случай перед административной комиссией.

– Послушай, Оникепе, тебе не надоело строить из себя мать Терезу? У нас благотворительный госпиталь с весьма ограниченным бюджетом. Мы и так тратим на этих людей больше, чем можем себе позволить... Ты всё сводишь какие-то личные счета, а мне это неинтересно. Мой тебе совет: не раскачивай лодку. Вылетишь из ординатуры, вот и все.

Через три дня Макпаддена не стало. Благотворительный фонд Сент-Винсента помог семье усопшего с оплатой похоронных расходов.

3.

С появлением Наны наша рутина изменилась: теперь мы каждый вечер гостили у нее в медсестринской. Энтони приходил в гости с овсяным печеньем, а я – с учебником ашанти-чви. В перерывах между вызовами я усердно осваивал диалоги и элементарную грамматику. Нана экзаменовала и поправляла произношение. Энтони сидел на полу, увлеченно печатая что-то на своем ноутбуке. Временами он прерывался, чтобы позлорадствовать: «Ну что, полиглот, не дается тебе их ганский язык? Надо было учить йоруба». С ганским языком у меня и впрямь было туго, особенно с произношением: мой речевой аппарат наотрез отказывался артикулировать все эти носовые и огубленные звуки. Кроме того, чви, как и многие африканские языки, – это язык тональный, и тут меня подводило ухо, по которому прошелся медвежий выводок. Будучи произнесенными с неправильной интонацией, мои слова приобретали самый неожиданный смысл. Например, я хотел сказать «хорошо», но, перепутав высокий тон с низким, говорил «вентилятор».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.